

«Великая артистка Островского» № 25 — 1919.

О. О. САДОВСКАЯ

К двадцатилетию со дня смерти

«Артистка Островского». За всю историю русского театра ни одна артистка не имела столько прав на это почетное определение, как О. О. Садовская (1850—1919). Это определение дал ей сам Островский, сказав:

— Садовская все роли в моих пьесах исполняет прекрасно, а Домну Пантелеевну в «Талантах и поклонниках» идеально.

Из сорока восьми пьес Островского Садовская не играла только в тех, где вообще не было для нее роли («Бешеные деньги», «Самозванец» и др.).

Когда в 1879 г. Садовская поступила на сцену Малого театра, Островский, бережно растивший ее талант, занимал ее во всех своих новых пьесах. В 1886 г. он сам ставил «Воеводу» и дал Садовской две роли в одной пьесе: комическую — няньки Недвиги, сказывающей в тереме сумеречную сказку, и трагическую — старухи-крестьянки, качающей в курной избе нищую колыбель внука.

Садовская так «сказывала сказку» и так пела колыбельную песню, что из сказки и песни возникали два глубоко правдивых, народных образа: русской няни, «Арины Родионовны» XVII века, и многострадальной крепостной крестьянки, в колыбельной песне которой слышался вековой стон неизбывного горя:

Ты спи, усни, крестьянский сын!
Нас бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить!

То, что создавала Садовская в этих двух маленьких ролях в одной пьесе, по силам было только великой артистке, которой доступна вся правда жизни во всей ее целостности. Кто размежует

трагическое и комическое, бытовое и лирическое, психологическое и характерное в великом народном даровании Садовской? В пьесах Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского она переиграла бесчисленное множество пожилых барынь, купчих, свах, мещанок, крестьянок — и ни разу не сыграла «комической старухи». Она всегда давала живое лицо, выхваченное из гущи жизни, всегда с особой жизненной походкой и житейской повадкой.

Садовская ворчала на тех режиссеров, которые не чувствовали, что сила Островского — в его несравненном богатстве речи.

«Речевой образ» у Садовской был поистине блистателен. Ее слово было настолько емко и ярко, что через речь действующего лица Садовская умела показать и его характер, и темперамент, и культурный уровень, и его социальное положение.

— Русский человек, особенно баба, поговорить любит, — говаривала Ольга Осиповна. — Это ему удовольствие, радость. Когда баба говорит, она самое себя слушает. Это интеллигент скажет — и задумается, процедит словечко — и опять помолчит, а у бабы какая пауза? В кой-то веки дорвется поговорить, душу отвести, да у нее одно словечко другое подгоняет; она не говорит: бисер нижет.

Так и играла Садовская. Она точно бисер низала словами, играя сваху в «Женитьбе Бальзаминова», она словно вышивала золотыми, серебряными, разноцветными шелковыми нитями, и ткань на глазах зрителей покрывалась чудесным, пестрым, веселым узором.

Трудно передать ту радость, которую возбуждала Садовская в зрителях первым же своим появлением, первым словом: точно всхо-

О. О. Садовская в роли старухи-крестьянки («Воевода»)

дило в театре солнце и своим светом и теплом прогоняло ночную тьму и холодный туман.

Но эта же артистка, с необычайной щедростью дарившая зрителей живительным смехом Гоголя и Островского, обладала властью исторгать из глаз обильные слезы и леденить сердца холодным ужасом.

Лев Толстой признавал О. О. Садовскую единственной артисткой, которая могла с настоящей правдой и силой дать на сцене его Матрену во «Власти тьмы».

Знаменитый немецкий актер Иосиф Левинский рассказывает: «В Малом театре на меня огромное, захватывающее впечатление произвела Садовская. В антракте между 4-м и 5-м действиями я вхожу в первую ложу бенеуара, где сидел Толстой, и вижу его до глубины перепуганным всем только что пережитым. Он восклицает: «Нет, это слишком страшно! Это ужасно!».

Впечатление ужаса, вызываемого тем, как «власть тьмы» и нищенское существование могут извратить женщину, стереть в ней различие добра и зла, заставив ее действовать во зло, как в добре, — это впечатление Садовская в роли Матрены создавала простой, мягкой игрой, без всяких трагических подчеркиваний. Но простота эта была так правдива и так страшна, что Толстой сам испугался своего гениального создания.

В Ольге Осиповне Садовской жила великая художница народной трагедии, так же как и народной комедии.

Когда пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, у Садовской оказался необъятный новый зритель из народных кругов. Рабочие и красноармейцы, трудовая интеллигенция неизменно требовали появления Ольги Осиповны на сцене: в Малом театре, в выездных спектаклях на фабриках, в казармах и т. д.

Смерть похитила Садовскую тогда, когда мудрое и простое, поистине народное искусство великой артистки только что стало прочным достоянием народного зрителя. Ольга Осиповна скончалась 9 декабря 1919 года.

Из всех откликов на ее смерть полнее всех выражает горечь этой потери самый краткий из них, письмо ученицы Щепкина — знаменитой Г. Н. Федотовой:

«Всем сердцем разделяю горе семьи нашего театра и всей России. Погиб великий талант! С какой радостью я умерла бы за нее!»*.

В истории русской культуры имя О. О. Садовской бессмертно: оно стоит рядом с именем Островского, Мусоргского, Сурикова, Прова Садовского — этих великих художников русского народа.

С. ДУРЫЛИН

* Письмо печатается впервые, с оригинала, хранящегося в Музее Малого Театра.

На фото, сверху вниз: О. О. Садовская в жизни; в роли Домны Пантелеевны («Таланты и поклонники»); в роли свахи Акулины Гавриловны («Свои собаки грызутся — чужая не приставай»)

4001